Учительница отдала ветеранскому движению три десятка лет

НЕУЛЫБЧИВАЯ ЕВДОКИЯ

«НЕ УМЕЮ УЛЫБАТЬСЯ, – призналась Евдокия Таранова фотокорреспонденту «ММ» Андрею Серебрякову. – Раньше я все летние каникулы работала в пионерском лагере, так директор вечно меня просил: «Ну улыбнись, что тебе стоит?» А я не могла».

Как у многих людей ее поколения, в жизни Евдокии было мало «хочу» и много «надо». Но ее неулыбчивость вовсе не говорит об отсутствии оптимизма и чувства юмора, скорее – об ответственности и привычке надеяться только на себя.

Родилась она в 1927 году в деревне Сухтели Верхнеуральского района. Мама – Акулина Шеметова – была неграмотной. В детстве за кринку сметаны, жбан масла и лукошко яиц ее «откупили» от школы – чтобы помогала по хозяйству, нянчила братьев-сестер. Но она обладала живым умом, понимала и любила природу. Пойдут за грибами-ягодами, Акулина учит Дусю: «Сколько красок у природы, всматривайся и вдумывайся». Отец – Андрей Шеметов – служил когда-то писарем в Оренбургском казачьем округе, но, чтобы прокормить семью, нанялся в батраки и батрачил аж 30 лет. Когда подросли старшие сыновья, он справил хороший дом, купил корову и лошадь. Шел 1930 год. Однажды ночью пришел сосед Филипп: «Вас раскулачивают, на сборы два часа!» Только потом они узнали, что именно этот предприимчивый сосед записал их в черный список, а после вселился в их дом. Отец собрал шестерых детей и отправился в путь, а мама в то время лежала с седьмым в больнице.

Начались мытарства. Ехали с другими репрессированными в Тобольск, зимовали в ханты-мансийской деревне Няксимволь – снега, олени… Именно здесь их догнала Акулина с ребенком – через месяц ее выписали, и она пустилась на поиски семьи, хотя ей и предлагали остаться в деревне. А вот ребенок, не выдержавший долгого переезда, умер в Няксимволе. Потом Шеметовых отправили в другую «туземную» деревню: там мужики сами мастерили плоты и отправлялись на них с семьями дальше «по этапу». Второй родиной для Дуси стал поселок Лопхари на берегу Оби. Здесь она пошла в школу, научилась не бояться любой работы, заправски рыбачить…

Глаза у нее горят, когда вспоминает, как девчонкой работала в рыболовецкой бригаде. У рыбачки не было даже сапог – поэтому по осени, когда земля покрывалась инеем, она работала в воде – на берегу босые ноги примерзали к земле. Плавать не научилась – но в лодке, груженной рыбой, не раз отправлялась одна через неспокойную Обь. Говорит сейчас, что добиралась без происшествий, потому что и мысли не допускала о несчастье. Однажды довелось плыть ночью – старшая сестра Анна уходила добровольцем на фронт, и Евдокия отправилась к ней на свидание в кромешной тьме, ориентируясь лишь по бакенам, отмечающим мель.

Рыбу ловили знатную: осетра, налима, щуку, муксуна, сырка, стерлядь… Если осетр от глаза до последнего плавника выходил меньше метра, его сдавали по 36 копеек. Больше хоть на сантиметр – уже в десять раз дороже. Денег не получали – работали за трудодни, расплачивались с ними продуктами. Ну и рыбы хватало – бывало, делили меж собой «недотянувшего» до метра осетра.

В войну к ним приставили контролера-комсомолку. Она должна была следить, чтобы каждый ел не более 200 граммов рыбы в день. Но с таким рационом какие силы? Бригада решила перевоспитать комсомолку. Раз кормят по норме, то и работать решили по норме: закидывать невод положенные 12 раз в день – и не важно, есть улов или нет. Вскоре комсомолка смекнула, что к чему, и разрешила им варить мелочь. Уловы сразу возросли: ребята закидывали невод и по 24, и по 48 раз. Кстати, статуса работника тыла Евдокия Андреевна не получила – свидетельские показания сейчас не учитывают, а официальных подтверждений ее работы не нашлось.

На мой вопрос, не было ли в семье обиды за репрессии, Евдокия Андреевна твердо ответила: «Нет». Ссылку никогда не обсуждали, равно как и не осуждали любые приказы сверху. Когда школяров повели разрушать церковь, мама мудро посоветовала Дусе: «Делай только то, что велят, и не больше, а про себя говори: «Господи, прости». Да и не в их правилах было аккумулировать обиду. Взять хотя бы конкретного виновника печальных событий – Филиппа. Он ушел к молодой и оставил жену с четырьмя детьми. Так вот их подкармливали и даже обшивали Дусины дядька и тетка, которые остались в Сухтелях. А годы спустя Евдокия встретилась с одной из дочерей Филиппа: говорили, говорили без умолку... Кстати, ни одному живому человеку, даже мужу, Дуся не признавалась, что она из репрессированных – боялась, что это может выйти наружу и отравить жизнь детям.

ФОТО АНДРЕЯ СЕРЕБРЯКОВА

Глаза у нее горят, когда вспоминает, как девчонкой работала в рыболовецкой бригаде

Я часто пишу про педагогов и знаю, что заставляет выбрать учительскую стезю: кто-то из близких был педагогом, пример подал преподаватель в школе … Но Евдокия Андреевна неожиданно отвечает: «Я, девочка из бедной семьи, наблюдала в сельском магазине за учительницей. Она могла позволить себе купить буквально все. Я видела, как она делает покупки, с каким уважением к ней все относятся, и подумала: наверное, она много зарабатывает, буду учиться и стану учительницей».

Из всех Шеметовых получила образование только она. Поступила в учительский институт в Тобольске, второй год доучивалась в Омске – там на военном заводе работала ее сестра Анна. После распределения попала в деревню Кольцовку Омской области. Вышла замуж за фронтовика Андрея Таранова, отработала год, и в 1948 году молодая семья приехала в Магнитку к Дусиным родственникам.

В замужестве пришлось надеяться на свои силы – раненого на войне мужа-инвалида брали лишь на временную работу. Но Евдокии было не привыкать: работала в две смены – 48 часов в неделю. Все лето – в лагере. При этом выучилась на заочном в пединституте, воспитывала дочерей Людмилу и Татьяну. Отец к тому времени умер – Евдокия забрала к себе маму, перевезли и свекровь. Впрочем, Евдокия Андреевна говорит об этом по-другому: «С нами жили две мамы». И в этом – вся она.

В руках все горело – могла ремонт сделать в квартире и в классе, стекло вставить, пилить и рубить… Обшивала семью: мужу и брюки могла справить, и рубашку, девочкам шила даже зимние и демисезонные пальто. Это талант от мамы: та, не разбирающаяся в теории, могла взять бумагу и начертить «самодеятельную» выкройку: «Так, здесь горловина, здесь плечо, пройма, теперь сюда…» И ведь не ошибалась – все сидело как влитое, люди заказы на пошив делали. А Евдокия Андреевна пошла дальше матери – окончила курсы кройки и шитья.

В школе № 3 стала завучем, потом директором. О ее принципиальности ходят легенды. К примеру, на педсовете в конце четверти учительница заявляет о стопроцентной успеваемости. Но добавляет, что одному ученику она немного оценку натянула – авансом за обещание подтянуться. Приходит в школу утром и видит, что ее фамилия вычеркнута из списка «стопроцентников» недрогнувшей рукой директора. Кажется, такое не прощают – почему же эту историю рассказывают с теплотой, а весь коллектив раз в год на ее день рождения – 8 марта – приходит к своему директору? Многие ее ученики занимают ведущие посты в городе и, узнавая, бросаются к ней с детской пылкостью. Был случай – пришла давать свидетельские показания по гражданскому делу. И тут к ней подходит прокурор с широченной улыбкой: «Евдокия Андреевна, вы ведь меня на второй год по русскому языку оставляли»… Ну вот, еще один выбился в люди… Она вообще считает, что если бы она не ставила четверки за пятерочные ответы, то ребята не стремились бы учиться все лучше.

В 1974 году она потеряла мужа. Тогда и приняла решение не сидеть дома – заняться ветеранской работой. Здесь ее таланты пришлись как нельзя кстати. Работа на общественных началах, своего бюджета у совета ветеранов народного образования – ныне координационного центра учреждений образования – нет. Приходится ходить по приемным, добывать средства. Управление образования, конечно, в стороне не остается – кстати, Лариса Тихомирова, которая его возглавляет, тоже из учениц Евдокии Андреевны. Комбинат помогает через благотворительный общественный фонд «Металлург». А городские и комбинатские творческие коллективы безвозмездно участвуют в мероприятиях.

Но главное – отогреть души, помочь бывшим учителям и добрым словом, и делом. Хочется Евдокии Андреевне, чтобы педагоги тоже проявляли инициативу, приходили в координационный центр – в Дом учителя по проспекту Карла Маркса, 12/1. Прием по личным вопросам – каждый понедельник с 10 до 12, но председатель Евдокия Андреевна проводит там целый день. Подскажет, какие справки нужны, чтобы пройти бесплатно лечение, научит, как поступать в трудных ситуациях. Заодно можно с работой кружков познакомиться: занимаются ветераны с 12 до 14. Третий понедельник месяца здесь отмечают дни рождения, а каждый второй четверг – праздники… 12 апреля отметят важную дату – 40 лет городскому ветеранскому движению, которому сама Евдокия Андреевна отдала 32 года жизни.

«Домой только ночевать прихожу», – говорит она. Признается, что каждое утро начинается с преодоления: кажется, не найдется сил выйти из дома. А потом опять это слово – «надо». И сегодня, несмотря на жуткий гололед, она на работе. Замечаю, что во время нашего разговора я сижу «крючком», а Евдокия Андреевна – красиво расправив плечи, и невольно подтягиваюсь. Смотрит доброжелательно и цепко, седые волосы аккуратно завиты, собственноручно связанная юбка смотрится как хороший белорусский трикотаж. По телефону говорит твердо, проблемы решает быстро. Не сетуя, принимает условия игры: когда стали дорогими открытки и конверты, решили поздравлять ветеранов с праздниками по телефону, после введения «повременки» отказались от звонков с домашних телефонов. Она понимает, что всегда найдутся люди как довольные работой координационного центра, так и нет – всем не угодишь, а не ругают только того, кто ничего не делает.

Своих внучек Евдокия Андреевна учила самостоятельности и умению не бояться ответственности. Может, потому и разлетелись: Надежда – в Москве, Яна – в Екатеринбурге. Звонят, расспрашивают, признаются, что все бы отдали за ее пироги с рыбой.

А еще один важный жизненный урок, который она им преподнесла: с юмором относиться к любым ситуациям. Однажды Евдокия Андреевна решила посушить зелень. Табуретку на стул, сама сверху, газету на шкафу расстелила, травку разровняла и… шагнула вниз, забыв, что стоит на пирамиде. Ударилась головой о рояль. 18-летняя Надя бросилась в ужасе: «Баба, я тебя не поймала». «Вот и хорошо. А то сама бы покалечилась. А ты посмотри, не пострадали ли клавиши?» Внучка на полном серьезе открыла крышку пианино: «Нет, баба, все клавиши целые». Потом сообразила – и в слезы: «Тебе так больно, а ты все шутишь!»

А как иначе? Всякое было в жизни, но она все преодолела. И ничего, что не научилась американской улыбке – она улыбается глазами.

ЕВГЕНИЯ ШЕВЧЕНКО.